

ЕНИСЕЙСКІЙ

ЦЕРКОВНЫЙ ВЪСТАНІЕ.

Еженедѣльный церковно-общественный журналъ.

Подписка принимается въ редакціи: г. Красноярскъ, Воскресенская ул., д. Покровской церкви.

Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкой **ПЯТЬ** р. 50 к.

Зданіе на песокъ.

(Къ вопросу о русской социаль-демократіи).

Что бы мы сказали, если-бы увидѣли постройку великолѣпнаго массивнаго зданія безъ фундамента? Зданіе огромное, архитектура замѣчательная, строго выдержанный стиль, удобнѣйшее расположеніе внутри, но... нѣтъ фундамента.

— Ахъ, какой прекрасный дворецъ! невольно воскликнули-бы мы: сколько здѣсь положено труда и какія, навѣрно, огромныя средства понадобились для его возведенія! Но какъ жаль: это замѣчательное зданіе не имѣетъ прочнаго основанія и потому должно неминуемо разрушиться подъ давленіемъ своей собственной тяжести; его не успѣютъ и достроить, какъ великолѣпныя стѣны его съ великимъ шумомъ падутъ и похоронятъ подъ собой своихъ строителей... Они погибнутъ; погибнутъ и ихъ труды...

Это самое приходитъ на умъ, когда думаешь о томъ будущемъ строѣ жизни человѣчества, къ которому стремится социаль-демократія. Въ самомъ дѣлѣ, какой чудный строй жизни: на землѣ нѣтъ ни цѣпей, ни рабства, ни притѣсненій; нѣтъ угнетателей и угнетенныхъ; нѣтъ страждущихъ и обездоленныхъ. Славное царство трехъ геніевъ: свободы, братства и равенства — дѣлаетъ счастливымъ все человѣчество. Оно сдѣлается прекраснымъ, здоровымъ, сильнымъ, могучимъ, добрымъ.

Такъ говорятъ социаль-демократы; они обѣщаютъ устроить на землѣ почти-что рай. Мы слушаемъ ихъ и восхищаемся. И говоримъ:

— Скажите-же скорѣе намъ: какъ достигнуть этого счастья? Ваше построеніе великолѣпно! оно идеально! Но скажите: навѣрно и основы, на которыхъ вы на-

мѣрены построить счастье человѣчества, своей прочностью соответвуютъ великолѣпнѣму цѣлаго зданія? Каковъ фундаментъ этого рая?—

— Фундаментъ-желудокъ.

— ?! —

— Да, желудокъ?!

Да не подумаетъ кто-либо, что здѣсь недостойная игра словъ. Къ великому сожалѣнію, приходится совершенно серьезно утверждать, что **желудокъ**—это, дѣйствительно, основа всѣхъ основъ для социаль-демократіи. Вожди ея это открыто заявляютъ и это главная мысль въ ихъ произведеніяхъ.

Социаль-демократія не признаетъ ни Бога, ни религіи, ни совѣсти, ни свободы воли въ человѣкѣ; она отрицаетъ и цѣнность человѣческой личности, какъ таковой; для нея нѣтъ ни грѣха, ни добродѣтели. Для нея есть только желудокъ. Все остальное—изъ желудка: и Богъ, и совѣсть, и преступленіе, и подвигъ. Прежде всего въ жизни человѣчества, на первомъ планѣ стоитъ забота найти или урвать кусокъ хлѣба. Эта забота о насыщеніи желудка обращается въ „борьбу за хлѣбъ“ или „классовую борьбу“, которая является скрытымъ двигателемъ исторіи человѣчества (Энрико Ферри „Коллективизмъ и позитивная наука“ стр. 46—47). Отсюда вытекаютъ и политическія, и юридическія и моральныя идеи. **Экономика** (потребность въ питаніи)—вотъ „святая святыхъ“ (по выраженію Э. Ферри, стр. 49) социаль-демократіи. Это основа всего. На ней, какъ утверждаетъ Марксъ, отецъ новѣйшаго социализма, держится вся „настройка“ человѣческихъ учрежденій. „Обезпеченный гражданинъ, зная, что онъ сытъ и безопасенъ отовсюду, не беспокоясь за завтрашній день, спокойно отдается «созерцанію» и обставляетъ себя „благоуханіемъ святости“. Движимый тѣмъ же

настроением, въ другой разъ онъ наслаждается научными открытіями и любитъ всѣхъ поучать, оберегая сытый покой свой (къ тр. зав. 57). Сотрудникъ Маркса — Энгельсъ говоритъ: „въ этомъ обществѣ всякій порядокъ, будетъ ли то религіозно-нравственный, политическій или семейный, вполнѣ подчиненъ имущественному“. А итальянскій социалистъ Э. Ферри въ томъ же духѣ пишетъ: „мораль, право, политика—это только надстройки, отраженія экономической структуры“ (Коллект. и поз. наука, стр. 60). „Убийство родителей считается въ Европѣ и Америкѣ самымъ тяжкимъ преступлениемъ; на островѣ Суматрѣ это, напротивъ, есть долгъ, освященный религіей“ (тамъ же).

Слѣдовательно, преступления въ дѣйствительности нѣтъ. И то, что намъ **кажется** теперь преступнымъ, при другихъ экономическихъ условіяхъ будетъ казаться священной обязанностью. То же, что намъ кажется теперь подвигомъ, въ другое время будетъ казаться гнуснымъ поступкомъ. Все только кажется. Все призрачно. Человѣкъ думаетъ, что есть Богъ. Жалкій, онъ и не знаетъ, что вѣра въ Бога просто пережитокъ старины, «ничтожный слѣдъ сказочнаго періода человѣческой жизни», поддерживаемый по **экономическимъ** расчетамъ господствующими классами (Вандервельдъ). — Человѣкъ былъ убѣжденъ, что поступаая такъ или иначе, онъ поступаетъ по своей волѣ; и когда доводилось совершить грѣхъ, преступленіе, беззаконіе, его мучила совѣсть и упрекала его за злоупотребленіе своей волей. Но, бѣдный: онъ и не подозрѣвалъ, что думая такъ, онъ „обнаруживаетъ дѣтское пониманіе природы вещей“. Совершаетъ ли человѣкъ убійство, насиліе, обесчечиваетъ ли и эксплуатируетъ безжалостно фабрикантъ своихъ рабочихъ, они въ этомъ ничуть не виноваты, какъ не виноваты бываетъ человѣкъ, рождающійся въ бѣдности или, наоборотъ, въ роскоши. Ихъ преступления „не являются плодомъ свободнаго произвола, личной ошибки, какъ думаетъ метафизическій спиритуализмъ“; нѣтъ, они исключительно плодъ „историческихъ условій среды“ (Э. Ферри. Колл. и поз. наука, стр. 50), которыя, не нужно забывать, въ свою очередь, создаются „экономикой“. Итакъ, повторяемъ, все призрачно, эфемерно, измѣнчиво, преходяще въ человѣческой жизни. Только одинъ *желудокъ* со своими „экономическими нуждами“ вѣченъ и дѣйствительно существуетъ. Онъ есть верховный *законодатель*, единственно *авторитетный судья*, *двигатель жизни* и *творецъ* ея. Онъ божество, онъ идолъ. Онъ основа, фундаментъ будущаго социальнаго рая.

И невольно теперь задумаешься о судьбѣ социаль-демократическаго „построенія“ человѣческаго счастья. Ужъ больно у этого построенія сомнительный фундаментъ. Черезчуръ рѣзко не соотвѣтствуетъ онъ тому грандіозному царству свободы, братства и справедливости, которое хотять на немъ воздвигнуть социаль-демократы.

Они обѣщаютъ сдѣлать человѣчество свободнымъ, но въ то же время говорятъ, что свободы на самомъ дѣлѣ нѣтъ, т. к. всѣ явленія человѣческой жизни подчинены закону строгой необходимости. Какъ же изъ необходимости можетъ родиться свобода? Потому социаль-демократы стремятся всѣхъ людей сдѣлать братьями; но какъ же люди сдѣлаются братьями, если у нихъ нѣтъ единаго общаго отца? Правда, социаль-демократы признаютъ единую общую мать-природу; но она слѣпа и безжалостна; она не имѣетъ любви и не дѣлаетъ предпочтенія человѣку передъ блохой. „Мнѣ снилось, пишетъ И. С. Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ „стихотвореній въ прозѣ“: „что я вошелъ въ огромную подземную храмину съ высокими сводами. Ее всю наполнялъ какой-то тоже подземный ровный свѣтъ. По самой серединѣ храмины сидѣла величавая женщина въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта. Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу. Я тотчасъ понялъ, что эта женщина—сама природа,—и мгновеннымъ холодомъ вѣдрился въ мою душу благоговѣйный страхъ.“

Я приблизился къ сидящей женщинѣ—и отдалъ почтительный поклонъ: „О, наша общая мать“! воскликнулъ я.—О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастья?“

Женщина медленно обратила на меня свои темные грозные глаза. Губы ея шевельнулись—и раздался зычный голосъ, подобный лязгу желѣза.

— Я думаю о томъ, какъ-бы придать большую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спастись отъ враговъ своихъ. Равновѣсіе нападенія и отпора парушено. Надо его возстановить.

— Какъ? пролетѣлъ я въ отвѣтъ.—Ты вотъ о чемъ думаешь? Но развѣ мы, люди, не любимыя твои дѣти?

Женщина чуть-чуть заморщила брови.—Всѣ твари мои дѣти,—промолвила она,—и я одинаково о нихъ забочусь—и одинаково ихъ истреблю.

— Но добро... разумъ... справедливость,—пролетѣлъ я снова.

— Это человѣческія слова,—раздался желѣзный голосъ,—я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ—и что такое справедливость?—Я тебѣ дала жизнь—я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ... Мнѣ все равно... А ты пока защищайся—и не мѣшай мнѣ!

Я хотѣлъ было возражать... но земля кругомъ глухо застонала и дрогнула—и я проснулся.. „(Природа“).

Что же въ самомъ дѣлѣ могутъ возразить противъ этого социаль-демократы:

— Я дала вамъ жизнь—и я отниму ее, и дамъ или червямъ, или людямъ.

Чувствуется ли тутъ любовь родной матери. способная сдѣлать людей братьями? О, нѣтъ! Это не мать, на грудь которой можетъ склонить дитя свою главу. Это какая то жестокая безсердечная повелительница, по произволу разлающая жизнь различнымъ тварямъ и потомъ безжалостно ее отнимающая. Въ ней-ли залогъ будущаго братства?

— Всѣ твари мои дѣти—и я одинаково о нихъ забочусь—и одинаково ихъ истреблю.

Это—ли равенство, къ которому стремится социаль-демократія? Равенство въ уничтоженіи? Нѣтъ, она-обѣщала другое—равенство въ разумныхъ правахъ и справедливости.

— Разумъ... справедливость...—это человѣческія слова.... Я не знаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ—и что такое справедливость?

— Мораль, право (справедливость), политика—это только надстройки, отраженія экономической структуры,—соглашаются и социаль-демократы. (Э. Ферри).

— Жизнь развивается по своимъ законамъ, не справляясь съ нашими идеалами; нечего и приставать къ ней съ этими идеалами; нужно принять тѣ, которые диктуетъ сама дѣйствительность (Вересаевъ „Повѣтріе“).

А дѣйствительность говоритъ:

— Черви или люди—мнѣ все равно... Всѣ будутъ истреблены... Итакъ, мы всѣ будемъ истреблены. Вотъ, что мы знаемъ навѣрно. Погибнетъ земля. Погибнетъ солнце. Въ чемъ же намъ искать счастья? Къ чему стремиться? Да и стоитъ ли стремиться, когда въ мірѣ царитъ законъ желѣзной необходимости?

— Разумно-ли основывать партію, ставящую цѣлью содѣйствіе наступленію луннаго затменія, которое и безъ того придетъ въ свое время съ естественной необходимостью?“ (Штаммлеръ).

Въ такія дебри пессимизма и противорѣчій захо-

дитъ человѣкъ, принявши антихристіанскія и атеистическія положенія социаль-демократіи.

И блекнетъ идеаль.

И разрушается грандіозное зданіе, построенное на пескѣ. Фундаментъ не выдерживаетъ, и прекрасныя стѣны рушатся, и строители погибаютъ.

Что же обрекаетъ социаль-демократію на такое саморазрушеніе? Что заставляетъ ее подкапывать подъ собой почву? Почему заняла она враждебную позицію противъ Бога и религіи?

— Социаль-демократія, отвѣчаютъ ея провозвѣстники, основывается на выводахъ положительной науки и точномъ знаніи. Религіозныя жѣ вѣрованія, какъ продуктъ болѣзненныхъ явленій человѣческой психологіи (Сержи), задерживаютъ прогрессъ и наступленіе социалистическаго строя. Наука и религія взаимно противоположны. „Одна уменьшается и ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ другая вырастаетъ и крѣпнетъ“ (Э. Ферри) въ борьбѣ за знаніе и справедливость. Вотъ почему социаль-демократія не признаетъ религію.

Но правда ли, что наука и религія взаимно противоположны и другъ друга уничтожаютъ?

Объ этомъ мы и поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Священникъ * * *

Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Европ. Россіи и Сибири.

Какъ свидѣтельствуютъ телеграммы, Оберъ-Прокуроръ Свят. Синода внесъ на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ предположенія свои по вопросу объ отношеніи государственной власти къ Правосл. Церкви, сводящіяся къ установленію слѣд. положеній: 1) Проводя принципъ вѣротерпимости, Русское Правительство обязано стоять на стражѣ правъ и преимуществъ Церкви Православной, какъ господствующей въ Государствѣ. 2) Ограждая интересы Православія въ сферѣ государственныхъ отношеній, Правительство признаетъ за Православною Церковью полную свободу внутренняго самоуправленія на основаніи соборныхъ правилъ и ея собственныхъ установленій, наблюдая лишь за соотвѣтствіемъ церковныхъ распоряженій общимъ законамъ государства. 3) Признавая необходимость широкихъ реформъ во всѣхъ сторонахъ внутренней жизни Церкви Православной, Правительство относитъ это дѣло къ вѣдѣнію самой церкви въ видѣ предстоящаго собора. Со-дѣйствовать созыву собора и проведенію его постановленій въ жизнь правительство поставляетъ сво-

имъ долгомъ. 4) Въ виду особой важности устройства приходской жизни Правительство считает своимъ долгомъ пойти въ этомъ дѣлѣ на встрѣчу заботамъ о Церкви и оказать полное свое содѣйствіе осуществленію тѣхъ церковныхъ предначертаній, которыя потребуютъ санкціи государственной власти и закона. 5) Правительство считает своей непремѣнной обязанностью заботиться о матеріальномъ обеспеченіи приходскаго духовенства путемъ ассигнованія на этотъ предметъ суммъ изъ государственнаго казначейства. Считая образованіе дѣтей духовенства дѣломъ самой церкви, Правительство со своей стороны признаетъ необходимымъ дать дѣтямъ духовныхъ лицъ право свободного выхода въ свѣтскія учебныя заведенія подъ условіемъ уравненія духовной школы со свѣтской по ихъ приблизительной программѣ. Признавая, что дѣло народнаго просвѣщенія составляетъ не только право, но и обязанность церкви, Правительство полагаетъ, что церковныя—приходскія школы должны войти со школами другихъ Вѣдомствъ въ общую сѣть разсадниковъ народнаго просвѣщенія, которые должны осуществить идею всеобщаго обученія.

Таковы въ основныхъ чертахъ тѣ положенія, которыя, по мнѣнію Оберъ-Прокурора Свят. Синода, желательны въ качествѣ нормъ для опредѣленія взаимныхъ отношеній между церковью съ одной стороны и государствомъ съ другой! Несомнѣнно, что эти положенія представляютъ изъ себя въ общей формѣ выраженіе самаго желательнаго для церкви положенія вещей. Въ самомъ дѣлѣ этимъ проектомъ съ одной стороны церкви обѣщается поддержка со стороны государства, съ другой предполагается ея полная внутренняя самостоятельность и независимость отъ свѣтскаго давленія. Несомнѣнно, что духовенство всѣми силами должно поддерживать по существу именно ту формулу взаимныхъ отношеній между церковью и государствомъ, которая дана Оберъ-Прокуроромъ. Другой совершенно вопросъ, насколько эта формула осуществима и можно-ли на проведеніе ея рассчитывать въ будущемъ. Нельзя забывать, что вырѣшеніе этого вопроса будетъ принадлежать не Совѣту Министровъ, а Г. Думѣ и Гос. Совѣту. А можно-ли поручиться за то, что именно вышеуказанная норма отношеній будетъ принята этими законодательными учрежденіями? Безспорный фактъ, что взаимоотношенія между церковью и государствомъ—страшно расплывчаты и неопредѣ-

ленны, и вопросъ этого рода можетъ варьироваться чуть не до безконечности. Обязанность духовенства поддержать основанія предложенной формулы и не добиваться отдѣленія церкви отъ государства, что было бы разгромомъ церкви на долгое время.

Постановленія духовныхъ властей относительно Свящ. Григорія Петрова и О. архимандрита Михаила продолжаютъ живо обсуждаться ежедневной прессой. Въ то время, какъ изданія праваго направленія находятъ, что съ этими представителями свящ. сана поступлено вполне справедливо или что даже съ ними надо было бы поступить еще строже, газеты лѣваго направленія возмущаются несправедливостью высшихъ судебныхъ инстанцій по отношенію къ этимъ истиннымъ, какъ ихъ называютъ, служителямъ Христа. Но на ряду съ этими партійными рецензіями на постановленія духовныхъ властей имѣются и другого рода отзывы, которые съ иной безпристрастной точки зрѣнія обзрѣваютъ ихъ предшествующую дѣятельность и оцѣниваютъ ихъ значеніе для церкви. Одна большая Петербургская газета припоминаетъ—какой громадной популярностью пользовался въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ свящ. Петровъ съ качествѣ проповѣдника и духовнаго пастыря. Онъ былъ законоучителемъ великихъ князей, желаннымъ гостемъ въ аристократическихъ салонахъ, лекторомъ на курсахъ, проповѣдникомъ, на рѣчи котораго записывались задолго, ломились толпами. Его фотографіи выставлялись въ кіоскахъ, явились медальоны съ его портретами, фарфоровыя броши и т. п. Затѣмъ О. Григорій Петровъ занялся публицистикой. Писалъ онъ и пишетъ замѣчательно много. Онъ пишетъ по 1,000 строкъ въ день. Кромѣ того онъ подготовляетъ, какъ сообщаютъ, къ изданію двѣ большія книги, ведетъ громадную переписку, отчетность по изданію безчисленныхъ брошюръ, принимаетъ посѣтителей, интервьюеровъ, посѣщаетъ предвыборныя собранія и т. п. Такую же кипучую дѣятельность проявлялъ и проявляетъ и О. Михайлъ. Онъ тоже пишетъ безъ числа. Но пишетъ онъ гораздо больше, чѣмъ Петровъ, и поэтому менѣе обдуманно. Онъ тоже читаетъ лекціи и говоритъ проповѣди, гдѣ только можно. Онъ тоже издавалъ и издаетъ множество брошюръ, бібліотекъ и проч. Его сочиненія представляютъ изъ себя разнообразную смѣсь выдержекъ изъ Свящ. Писанія, поэтическихъ метафоръ, ссылокъ на Бальмонта и Ѳому Кемпійскаго, на г. Вербицкую и Св.

Варвару. Въ его статьяхъ есть и религія, и скульптура, и спортъ, и житія святыхъ, и Максимъ Горькій и Крафтъ-Эбингъ и множество другого... Несомнѣнно, что въ исторіи религіозныхъ движеній и настроеній среди нашего общества и свящ. Петровъ, и О. Михайль займутъ видное мѣсто. Ихъ сочиненія, ихъ роль въ послѣдствіи будутъ взвѣшивать, оцѣнивать результаты ихъ дѣятельности и т. п. Но въ данномъ случаѣ постановленія духовныхъ властей для нихъ должны имѣть громадное значеніе и сыграть роль поворотнаго пункта. Въ самомъ дѣлѣ, какъ О. Петровъ и О. Михайль отнесутся къ наложеннымъ на нихъ взысканіямъ? Признаютъ-ли они себя обязанными подчиниться рѣшенію духовныхъ инстанцій или же нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ они должны будутъ покончить счеты съ православіемъ и своимъ положеніемъ въ церкви и выступить въ качествѣ просто только свѣтскихъ писателей. При подобной обстановкѣ значеніе ихъ въ дѣлѣ религіозныхъ настроеній значительно съюзится, да и сами они тогда вѣроятно бросятъ темы духовнаго свойства и перейдутъ къ обсужденію по преимуществу свѣтскихъ вопросовъ.

Русская печать.

Печальной памяти Георгій Гапонъ. Одно лицо, близко встрѣчавшееся съ Гапономъ въ періодъ его шумной дѣятельности въ Петербургѣ, передаетъ въ „Колоколѣ“ кой-что изъ бесѣдъ съ этимъ злополучнымъ авантюристомъ, такъ печально кончившимъ свою темную политическую игру.

Послѣ бѣгства своего за границу Гапонъ возвратился въ Питеръ элегантно по свѣтски одѣтымъ, рекомендовавшимся Георгіевымъ. Въ одну изъ бесѣдъ Гапонъ сталъ откровенно разсказывать о своихъ похожденияхъ за границей

— Побывалъ я у Плеханова, говорилъ онъ, и у Каутскаго въ Лондонѣ, со всѣми бесѣдовалъ. Народъ они умный, только за книжками не видятъ Россіи. Они все судятъ о ней по другимъ національностямъ, а я хорошо знаю народъ, встрѣчался съ нимъ и на родинѣ у себя въ Полтавѣ, да и съ рабочими много потомъ толковалъ.

Государственный строй, по моему мнѣнію, требуетъ коренной реформы!

— Какой же?

— Намъ надо просто переходить на республику!

— Позвольте!—возразилъ я,—но весь историческій ходъ русской жизни опровергаетъ это. Народъ нашъ не можетъ себѣ представить власти внѣ Царя, который является не только Божьимъ помазанникомъ, но и носителемъ высшей правды!

Гапонъ сталъ возражать, и у насъ завязался горячій споръ.

Я ясно убѣдился, что онъ уже насквозь пропитанъ революціонными теоріями и, хотя онъ и говорилъ много о знаніи народа, но былъ такимъ же теоретикомъ, какъ и всѣ наши зарубежные писатели.

— Простите, сказалъ я Гапону,—если я позволю себѣ предложить вамъ одинъ вопросъ!..

— Говорите!

— Вы общаете мнѣ отвѣтить совершенно откровенно?

— О да! размѣялся онъ,—теперь уже я ничего не боюсь...

— Какъ это вы сумѣли совмѣстить революціонныя идеи съ православіемъ и изъ священника превратились въ революціонера?

— По совѣсти говоря, сказалъ Гапонъ,—вѣры во мнѣ никогда не было и на свою рясу я смотрѣлъ только, какъ на удобное орудіе для достиженія цѣли.

Вы думаете, что моя политическая карьера уже кончена? о нѣтъ, я еще выплыву и пристану къ правому или къ лѣвому берегу и стану уже твердыми ногами. У меня былъ планъ двинуться по Волгѣ, и поднять тамъ старообрядцевъ, общая имъ всѣ права; и создать такимъ образомъ оплотъ революціоннаго движенія. Я думаю, что и теперь повтореніе исторіи Стеньки Разина и Пугачева возможно. Планы у меня самые широкіе, но только до сихъ поръ еще завязли ноги въ рабочихъ организаціяхъ, и никакъ не могу съ ними распутаться. Вотъ одинъ недавно еще застрѣлился рабочій, и опять новая исторія. Такое время, какъ наше, должно выбрасывать неизвѣстныхъ людей наверхъ, и было бы странно этимъ не пользоваться. А относительно того, что вы меня спросили, долженъ вамъ сказать, что иной разъ я и самъ задумываюсь, по вѣра моя угасла давно и, если я только вѣрю во что нибудь, то единственно въ самого себя!

Мы разстались. Больше я его не видѣлъ, но сейчасъ, когда я пишу эти строки, я ясно представляю себѣ его лицо съ сверкающими бѣлыми зубами, придававшими ему какой-то хищный оттѣнокъ. Таковы мои личныя воспоминанія о Гапонѣ, который конечно не пройдетъ незамѣченнымъ для будущаго историка. Личность

его гораздо менѣ загадочна, чѣмъ это обыкновенно принято думать. Въ моменты общественнаго кипѣнія когда идетъ такое быстрое перемѣщеніе сверху вниз и со дна на самую поверхность, всегда появляются побочные люди, одаренные честолюбіемъ и самолюбіемъ, которымъ хочется сдѣлать карьеру и занять видное положеніе. Для этого конечно они должны идти на все и въ угоду удачѣ отказаться и отъ чести, и отъ вѣры, и отъ совѣсти, словомъ продѣлать то, что въ прежнее время называлось „отдать дьяволу душу“! Гапонъ былъ именно однимъ изъ такихъ людей. У него было очень много шансовъ на выигрышъ, и если бы обстоятельства повернулись нѣсколько иначе или онъ былъ бы похитрѣе, то Богъ знаетъ, чѣмъ бы окончилась его политическая карьера...

Скорбная статистика за 1906 г. Число жертвъ, погибшихъ за истекшій годъ, опредѣляется въ 1,100 человекъ убитыхъ и въ 1,640 человекъ раненыхъ, не считая казненныхъ по приговорамъ судовъ. Изъ этого числа террору революціонному подверглись до 75 генераловъ, ген.-губернаторовъ и градоначальниковъ (убитыхъ и раненыхъ, не считая покушеній); 410 лицъ убитыхъ и 453 раненыхъ изъ полицейскихъ и военныхъ чиновъ. Кроме того, было болѣе 90 неудачныхъ покушеній. Со стороны полиціи и войскъ было убито 416 человекъ и ранено 836.

Число случайно пострадавшихъ при различнаго рода покушеніяхъ и стычкахъ опредѣляется въ 200 чел. убитыхъ и 350 раненыхъ.

За этотъ годъ было обнаружено и найдено полиціей 1,100 бомбъ и до десятка гранатъ и алскихъ машинъ. Число разорвавшихся бомбъ опредѣляется въ 210 штукъ. Помимо этого, полиціей отобрано до 112 пудовъ пороха, до 10 пуд. пироксилина, до 260 тыс. ружейныхъ и револьверныхъ патроновъ, до 1¹/₂ тыс. винтовокъ и столько же револьверовъ. Въ этотъ подсчетъ не входятъ неопредѣленные обозначенія найденныхъ предметовъ, въ родѣ: много взрывчатыхъ веществъ, нѣсколько бомбъ и пр. Однихъ складовъ оружія, безъ цифроваго указанія его, открыто было 32, да лабораторій бомбъ—21.

Закрытіе семинаріи. Изъ Симферополя отъ 3 января сообщаютъ, что закрыта духовная семинарія. Всѣ воспитанники уволены. Закрытіе ставится въ связь съ пропажей золотого креста, надъ которымъ будто бы совершено дерзкое кощунство.

Два-три обнаглѣвшихъ, подъ вліяніемъ нигилизма окружающей безбожной общественной среды, бурсука виноваты, а страдаетъ цѣлое заведеніе. А главное, ложится черная тѣнь на всю духовную школу нашу. Необходимо самимъ родителямъ взяться за чистку своихъ школьныхъ питомниковъ, если педагоги семинарскіе неспособны къ тому (Колок.)

Ненаціональный характеръ русскаго парламента. Г. М. Меньшиковъ такъ говоритъ по этому поводу:

Поразительно, до какой степени не вошло ни единой черточки русской въ обличье этого всенароднаго учрежденія, въ самый складъ его. Точно нагруженная русскими обывателями вѣнская коляска или французскій автомобиль—до послѣдняго винтика тутъ все изъ-за границы. Къ сожалѣнію ясно видишь, что это не только вещь заграничная, но „заграничная дешевка“, т.-е. далеко—не первый сортъ. Какъ самое добротное сукно, и самую добротную конституцію слѣдовало бы искать на родинѣ ея—въ Англии, гдѣ просто на ощупь чувствуешь, что политическій товаръ не поддѣланъ, а настоящій. Мнѣ лично чрезвычайно нравится старая романтика англійскаго парламента, его самородные обычаи, строгая дисциплина, вѣками выработанныя мелочи, подъ странностью которыхъ иногда кроется глубокий смыслъ. Хоть бы этотъ обычай—начинать каждое засѣданіе молитвой, черезъ двѣ минуты послѣ звонка закрывать наглухо двери, не называть депутатовъ по фамиліямъ, подчиняться спикеру безпрекословно, говорить не съ трибуны и пр. и пр. Мы не приняли этихъ старыхъ парламентскихъ привычекъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ ближе напомнили бы нашу собственную обстановку земскихъ соборовъ, почему-то совсѣмъ пренебреженную булыгинской комиссіей. Начать день молитвой—хорошій англійскій обычай, но онъ же и хорошій русскій обычай. Для Евреевъ и нигилистовъ изъ „товарищей“ имя Божіе въ Думѣ само собою было бы ножъ острый. Но для большинства Думы, не совсѣмъ морально выхолащенного, не совсѣмъ забывшаго связь свою съ родиной, начать государственное дѣло cadaго дня коротенькой молитвой, которую весь народъ читаетъ уже почти тысячелѣтіе,—напримѣръ, „Отче нашъ“ или „Царю небесный“,—было бы актомъ естественнымъ, національнымъ, вносящимъ въ началѣ cadaго дня серьезную ноту въ концертъ мнѣній. Мелочь, скажете вы,—да, но крайне важная, какъ рукопожатіе при встрѣчѣ.

Лицемѣріе! — звонять товарищи, — сикофанство! Для васъ, — самѣчу я, — да, это было бы лицемѣріемъ, но не всё же — вы. Есть искренно вѣрующіе въ Бога, въ общаго Бога жизни, въ Бога, какъ „Отца свѣтовъ“. Для всѣхъ вѣрующихъ, — хотя бы Татаръ или Евреевъ — молитва Единому была бы *своей* молитвой, соединяющей всѣхъ насъ, братьевъ въ признаніи Отца, — какъ для православныхъ или католиковъ — была бы *своей* такая же молитва магометанъ или буддистовъ.

Я не останавливаюсь подробно на добрыхъ обычаяхъ англійскаго парламента, я хотѣлъ бы лишь отмѣтить, какъ съ перваго мгновенія своего настоящій парламентъ націоналенъ и величавъ, и какъ жалка и незначительна обтрепанная копія его, взятая изъ десятыхъ рукъ.

Л. Н. Толстой о революци.

(Окончаніе).

„Отчего добрые, хорошіе, умные люди, каковыхъ много среди либераловъ, социалистовъ, революціонеровъ, не исключая даже и правительственныхъ лицъ, отчего эти люди, желая блага народу, не видятъ того одного, что ему нужно, того, къ чему онъ, не переставая, стремится и безъ чего, не переставая страдаетъ, а озабочены многими и самыми разнообразными дѣлами, но исполненіе которыхъ безъ исполненія того, чего желаетъ народъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ содѣйствовать его благу? Вся дѣятельность, какъ правительственныхъ, такъ и антиправительственныхъ служителей народа, подобна тому, что бы дѣлалъ человекъ, который, желая помочь завязшей въ трясины лошади, сидѣлъ бы на возу и перекладывалъ бы съ мѣста на мѣсто находящуюся на возу клажу, воображая, что этимъ онъ поможетъ дѣлу.

„Отчего же это?

„Отвѣтъ на этотъ вопросъ тотъ же, какъ и на всѣ вопросы о томъ, почему люди нашего времени, могущіе жить хорошо и счастливо, живутъ дурно и бѣдственно.

„Происходитъ это оттого, что люди какъ правительственные, такъ и антиправительственные, устраивающіе благо народа, не имѣютъ религіи. А безъ религіи человекъ не можетъ жить самъ разумною жизнью и тѣмъ менѣе можетъ знать, что хорошо, что дурно, что нужно и что не нужно для другихъ людей. Только отъ этого люди нашего времени вообще, и люди русской интеллигенціи въ особенности, совершенно лишены религіознаго сознанія и прямо съ гордостью заяв-

ляющіе объ этомъ, такъ превратно понимаютъ жизнь и требованіе того народа, которому они хотятъ служить, и требуютъ для него самыхъ разнообразныхъ вещей, но только не того одного, что ему нужно.

„Безъ религіи нельзя истинно любить людей. А не любя людей, нельзя знать, что имъ нужно, что болѣе, что менѣе нужно. Только не религіозные люди, и потому не любящіе истинно, могутъ придумывать ничтожныя, неважныя улучшенія въ бытѣ народа, не видя того главнаго зла, отъ котораго страдаютъ люди и которое они сами отчасти производятъ. Только такіе люди могутъ проповѣдывать болѣе или менѣе искусно построенныя отвлеченныя теоріи, долженствующія осчастливить народъ въ будущемъ, и не видѣть тѣхъ страданій, которыя несетъ народъ въ настоящемъ и которыя требуютъ немедленнаго и возможнаго облегченія. Въ родѣ того, что бы дѣлалъ человекъ, отнявшій у голоднаго пищу, давая ему совѣты (и совѣты очень сомнительные) о томъ, какъ ему жить въ будущемъ, не считая нужнымъ сейчасъ удѣлить ему часть своего избытка отъ отнятой у него пищи.

„Къ счастью, великія, благотворныя движенія въ человечествѣ совершаются не паразитами, питающимися народными соками, какъ бы они ни называли себя: правительствами, революціонерами, либералами, а людьми религіозными, т. е. людьми серьезными, простыми, трудящимися, живущими не для своей корысти, своего тщеславія, честолюбія, не для достиженія внѣшнихъ результатовъ, а для того, чтобы исполнить передъ Богомъ свое человеческое назначеніе“ *) стр. 95—96).

Для этого необходимо воспринять намъ исключительно духовное орудіе борьбы съ страданіями. Орудіе это „есть только одно: такое религіозное пониманіе жизни, при которомъ человекъ считаетъ свою земную жизнь только частичнымъ проявленіемъ всей жизни, связываетъ свою жизнь съ безконечною жизнью и признавая свое высшее благо въ исполненіи законовъ этой безконечной жизни, считаетъ для себя исполненіе этихъ законовъ болѣе обязательнымъ, чѣмъ исполненіе какихъ бы то ни было человеческихъ законовъ.

„Только посредствомъ исповѣданія и исполненія людьми такого религіознаго ученія, люди могутъ достиг-

*) При этомъ Л. Н. Толстой, приводя примѣръ, какъ крестьянинъ по одному случаю «обратился мысленно къ Богу и перекрестился», говоритъ: «и въ этомъ одномъ движеніи руки этого человека больше смысла и содержанія, чѣмъ во всей той болтовнѣ (о разныхъ матеріальныхъ улучшеніяхъ), которая наполняетъ теперь столбцы газетъ» (стр. 96).

нать того идеала, который возникъ теперь въ ихъ сознаниіи и къ которому они стремятся.

„Всякія же другія попытки уничтоженія власти и устройства безъ власти доброй жизни людей есть только напрасная трата силъ и не приближаетъ, а только удаляетъ людей отъ той цѣли, къ которой они стремятся“ (стр. 171—2).

„Такъ что все, что я сказалъ здѣсь, — заключаетъ Л. Н. Толстой. — сводится къ той самой простой, вѣсьмъ понятной и неопровержимой истинѣ, что для того, чтобы была добрая жизнь между людьми, нужно, чтобы люди были добрые.

„Средство же воздѣйствія на добрую жизнь людей есть только одно: своя добрая жизнь. А потому и дѣятельность людей, желающихъ содѣйствовать установленію доброй жизни людей, можетъ и должна быть только во внутреннемъ совершенствованіи — въ исполненіи того, что выражено въ Евангеліи словами: „будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный“ (стр. 177).

Подъ доказательствами Л. Н. Толстого отъ Евангелія вполне можно бы подписаться, если бы онъ разумѣлъ подъ нимъ подлинное, а не свое евангеліе.

Священникъ *Е. Зубаревъ*. (Миссіон. Обзор.)

Официальная хроника Енисейской епархіи.

Перемѣщенія, назначенія и увольненія лицъ въ составѣ духовенства Енисейской епархіи.

Бывшій воспитанникъ духовной семинаріи Теодоръ Гобовъ, по прошенію, резолюціею Его Преосвященства отъ 22 декабря сего года опредѣленъ псаломщикомъ градо-Красноярской Всѣхъ-Святыхъ церкви.

Окончившій курсъ Красноярской духовной семинаріи псаломщикъ Уярской Спасо-Преображенской церкви Иванъ Сбитневъ, по прошенію, опредѣленъ 28 декабря 1906 года священникомъ въ село Анцирское, Канскаго уѣзда.

Священникъ села Тимонинскаго, Ачинскаго уѣзда, Антонинъ Анисимовъ, по прошенію, перемѣщенъ 3 января 1907 года въ село Усть-Фыркальское, Минусинскаго уѣзда.

И. д. псаломщика при Ачинской соборной церкви Павелъ Погутовъ резолюціею Его Преосвященства отъ 3 января 1907 года, № 10, уволенъ отъ должности за неблагонадежность.

Священникъ села Мокрушенскаго, Енисейскаго

уѣзда, Михаилъ Гобовъ, резолюціею Его Преосвященства, отъ 29 ноября 1906 года, перемѣщенъ въ село Усть-Питское, Енисейскаго уѣзда.

И. д. псаломщика Нижне-Ингашинской церкви Василій Козловъ-Зудилловъ, согласно прошенія, резолюціею Его Преосвященства отъ 4 января 1907 года, за № 39, уволенъ отъ должности.

Священникъ Божіе-Озерской церкви, Ачинскаго уѣзда, Алексій Самойловъ 22 декабря 1906 года умеръ.

Священникъ села Свищева, Красноярскаго уѣзда, Василій Толкачевъ, по прошенію, перемѣщенъ на вакантное священническое мѣсто въ село Балайское, Канскаго уѣзда.

Священникъ села Гладенскаго, Красноярскаго уѣзда, Симеонъ Чисмочаковъ, по прошенію, перемѣщенъ на вакантное священническое мѣсто въ село Перовское, Канскаго уѣзда.

Священническій сынъ Владиміръ Сѣдаковъ, по прошенію, опредѣленъ на вакантное псаломщическое мѣсто въ село Дубчетское, Енисейскаго уѣзда.

Окончившій курсъ въ Курагинской школѣ крестьянинъ Даниль Шикинъ, по прошенію, опредѣленъ на вакантное псаломщическое мѣсто въ село Больше-Хабыкское, Минусинскаго уѣзда.

Бывшій воспитанникъ Красноярской семинаріи Александръ Федоровъ, по прошенію, опредѣленъ на вакантное псаломщическое мѣсто въ село Сиявинское, Минусинскаго уѣзда.

Иноходецъ Абаканской управы, Минусинскаго уѣзда, Павелъ Чарковъ, по прошенію, опредѣленъ на вакантное псаломщическое мѣсто въ село Нижне-Ингашевское, Канскаго уѣзда.

Бывшій воспитанникъ Минской семинаріи Григорій Галинъ, по прошенію, опредѣленъ на вакантное псаломщическое мѣсто въ село Уярское, Канскаго уѣзда.

Священникъ градо-Владивостокской Покровской церкви Владиміръ Лахинъ, по прошенію, опредѣленъ на вакантное священническое мѣсто въ село Божье-Озерское, Ачинскаго уѣзда.

Крестьянинъ Иванъ Ильичъ Благодатскихъ, по прошенію, опредѣленъ и. д. псаломщика Чунской церкви, Енисейскаго уѣзда, временно на одинъ годъ.

Бывшій псаломщикъ Владивостокской епархіи Ив. Изгородинъ, по прошенію, опредѣленъ и. д. псаломщика Поповской церкви, Енисейскаго уѣзда.

Бывшій псаломщикъ Владивостокской епархіи Иванъ Владиміровъ Виссоновъ, по прошенію, опредѣленъ и. д. псаломщика Сосновской церкви, Минусинскаго уѣзда.

Діаконъ Казанцевской церкви Евгений Качусовъ, согласно прошенію, опредѣленъ на священническое мѣсто въ село Маковское, Енисейскаго уѣзда.